

2009-5
8047 а

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Леонид Михайлович

ИВАНОВ

Личность
и научное
наследие
историка

Сборник статей
к 100-летию со дня рождения

Москва
РОССПЭН
2009

С.В. Тютюкин
(доктор исторических наук)

Г.В. ПЛЕХАНОВ, В.И. ЛЕНИН И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Более чем скромно отмечавшееся 30 мая 2008 г. 90-летие со дня смерти Георгия Валентиновича Плеханова дало повод еще раз вернуться к вопросу о его месте в отечественной истории и о сложных отношениях, связывающих «отца русского марксизма», как часто, с легкой руки его американского биографа С. Бэрона, называют Плеханова, и «отца ленинизма» В.И. Ульянова (Ленина). Правда, если говорить всерьез о «русском марксизме» как особой разновидности интернационального по своему характеру марксистского учения, то правильнее, наверное, было бы назвать его «отцом» все же именно Ленина, тем более что термин «марксизм-ленинизм», на долгие годы утвердившийся в советском обществоведении, говорит именно за такую постановку данной проблемы.

Как известно, у истоков РСДРП стояли такие выдающиеся деятели, как Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, В.И. Ленин, Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. При этом Плеханов и Ленин занимают в этой группе совершенно особое место. Оба они были глубокими и разносторонними мыслителями, сильными, притягательными личностями, прирожденными лидерами и великолепными публицистами. Но их более чем 20-летние отношения — а на сегодняшний день выявлены более 250 эпизодов личных и заочных контактов Плеханова и Ленина — складывались очень неровно, а порой просто драматически. Было время, когда Ленин смотрел на Плеханова снизу вверх, затем наступило взаимное разочарование, потом была совместная работа в «Искре» и новые споры, завершившиеся полным неприятием друг друга и пожизненной враждой. Больше того, даже после смерти Плеханова и Ленина их снова то ссорили, то мирили, причем судьба творческого наследия Плеханова в годы советской власти напрямую зависела от тех оценок, которые в различные периоды давал ему Ленин.

Сейчас, когда идеи социализма и коммунизма объявлены полной утопией, а вся деятельность революционеров — едва ли не уголовным преступлением, фигура Плеханова, наоборот, заняла в общественном мнении несколько лучшее положение по срав-

нению с Лениным, но, видимо, уже никто не поставит их в один ряд с людьми, олицетворяющими русскую нацию, как это сделал коммунист Сталин в драматические ноябрьские дни 1941 г., когда фашисты стояли буквально у ворот Москвы. Для многих сегодня Ленин — это «черный гений» России, породивший Сталина, сталинизм и тоталитаризм, тогда как марксист Плеханов все же много сделал для развития русской национальной культуры, боролся с большевизмом и ленинизмом и немало претерпел от тех идеологов и политиков, которые насаждали ленинский культ после 1917 г.

Вынесенная в заголовке настоящей статьи тема настолько обширна, что придется ограничиться здесь лишь несколькими штрихами в политических портретах моих героев, относящимися к проблеме революции.

Несмотря на принадлежность к числу потомственных дворян, что давало хорошие перспективы на получение высшего образования и последующий карьерный рост, и Плеханов, и Ленин уже в юношеские годы окунулись в атмосферу общественного возбуждения и радикальной оппозиционности существующему самодержавному режиму. Этому способствовала, прежде всего, та обстановка, в которой проходила их юность — начало народнического движения и предреволюционная ситуация на рубеже 70–80-х гг. XIX в. у Плеханова и рост оппозиционных настроений в связи с контрреформами Александра III, голодом 1891–1892 гг. и началом массового рабочего движения — у Ленина. Плеханов стал профессиональным революционером уже в 20 лет, а Ленин — в 25, причем первому на протяжении 3 лет удавалось ускользать от полиции, а в 23 года — тайно эмигрировать за границу, тогда как у Ленина аналогичный процесс был ускорен казнью любимого старшего брата Александра и первым арестом в 1887 г., а затем 14-месячным тюремным заключением в 1895–1896 гг. и 3-летней ссылкой в Сибирь в 1897–1900 гг., за которыми последовала в 1900 г. эмиграция.

Более раннему уходу Плеханова в революцию объективно способствовал ряд факторов: близкое знакомство с жизнью крестьянства в детские годы, отрыв от семьи в связи с учебой в Воронежской военной гимназии, а затем в Петербурге, смерть убежденного монархиста отца. Ранняя эмиграция избавила Георгия от тюрьмы и сибирской ссылки, но зато на целых 37 лет он оказался оторванным от родины. У Ленина аналогичный процесс

происходил несколько медленнее, ибо в детские и гимназические годы он в значительной мере был отгорожен от реальной жизни стенами благополучного родительского дома. Но уже в 19 лет он впервые стал читать Маркса и Плеханова, в 23 года начал самостоятельную жизнь в столице, установив контакты с передовыми рабочими, а в 25 лет вместе с Ю. Мартовым возглавил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге.

Личное знакомство Плеханова и Ленина состоялось в 1895 г., когда последний побывал тогда в Швейцарии, где жил тогда Плеханов, а с конца 1900 г., после приезда Ленина за границу начались уже их идейные и организационно-тактические разногласия в связи с изданием за границей русской марксистской газеты «Искра» и выработкой программы формально созданной в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партии. Наконец, в конце 1903 г., через несколько месяцев после исторического II съезда РСДРП, где Ленин и Плеханов выступали еще единым фронтом, произошел раскол партии, в результате которого они на долгие годы оказались в разных революционных лагерях: Ленин — во главе созданной им фракции большевиков, а Плеханов — в стане меньшевиков, хотя настоящим, «сто процентным» меньшевиком он так никогда и не стал.

Сфера партийного строительства была той частью социал-демократической работы, где Ленин безоговорочно переигрывал Плеханова. Вместе с Н.К. Крупской, которая вела по поручению мужа огромную организационно-техническую работу и в «Искре», а затем в ЦК большевиков, Ленин выступал как талантливый архитектор и одновременно мастер-строитель своей, большевистской сначала фракции, а затем и партии, придавая огромное значение установлению прямых контактов с местными партийными лидерами и привлечению их на свою сторону. Это была будничная, кропотливая, часто рутинная, но очень важная часть его партийной деятельности, во многом предопределившей исторический успех ленинизма в 1917 г. Что касается Плеханова, то по складу своего характера он для подобной работы просто не годился и даже не мог соперничать в этом отношении с Лениным.

Возвращаясь к событиям конца 1903–1904 гг., заметим, что претензии Плеханова к Ленину шли тогда по линии обвинений последнего в «вождизме» и «ультрацентрализме» в организационных вопросах, а также в недооценке роли либерально-оппозиционного движения в подготовке русской революции.

Ленин, по-прежнему восхищаясь «физической силой ума» Плеханова и признавая, что он еще не утратил свой огромный авторитет среди членов РСДРП, был, в свою очередь, недоволен колебаниями Плеханова в организационных вопросах, его сближением с меньшевиками и преувеличением степени оппозиционности либералов. Начавшаяся в январе 1905 г. в России революция «встряхнула» Плеханова и на время снова пробудила в нем «якобинский дух», но к концу года, когда он по болезни не смог воспользоваться наступившими на родине в октябре 1905 г. «днями свобод» для возвращения в Петербург, он впал в депрессию и после осужденного им за недостаточную подготовленность и стихийность Декабрьского вооруженного восстания опять резко повернул вправо. Плеханов решительно осудил бойкот большевиками I Думы, а на IV и V съездах РСДРП в 1906–1907 гг. рьяно защищал точку зрения меньшевиков.

В целом он занимал в 1905 г. и позднее довольно противоречивую позицию, в которой были элементы политического центризма, временных «якобинских» увлечений и одновременно реформистских иллюзий. Ленин положительно оценивал борьбу Плеханова с «ликвидаторством» за сохранение революционного подполья, однако его прочным политическим союзником тот так и не стал.

Плеханова отталкивали от Ленина его радикально-упрощенный подход к марксизму, снисходительное отношение к «экспроприациям», фанатическая враждебность к меньшевикам, «раскольничество» и т. д. К началу Первой мировой войны их политические пути окончательно разошлись. При этом если Ленин был внутренне убежден в своей харизме и призвании стать вождем российского пролетариата и большевизма, то Плеханов заметно поубавил свои амбиции и выступал уже скорее лишь как один из теоретиков российской социал-демократии и партийных публицистов, но уже не как «властитель дум» демократически настроенной молодежи и передовых рабочих.

Убедившись в тщетности своих попыток стать лидером РСДРП, Плеханов всецело сосредоточился на работе над «Историей русской общественной мысли», которая продолжалась до 1917 г. и так и осталась незаконченной. С 1914 г. он возглавлял небольшую внефракционную социал-демократическую группу. Не случайно с этого времени имя Плеханова практически исчезает со страниц официальной истории меньшевизма, а в августовском

объединительном съезде меньшевиков 1917 г. — первом съезде меньшевиков как самостоятельной, обособившейся наконец от большевиков социал-демократической партии группа «Единство» даже не участвовала, объявив себя совершенно самостоятельной социал-демократической организацией.

В годы Первой мировой войны политические позиции Плеханова и Ленина были уже диаметрально противоположными: первый показал себя ультрапатриотом и безоговорочным «оборонцем», как бы «забыв» до осени 1915 г. о борьбе с самодержавием, тогда как Ленин не только остался на позициях революционного интернационализма, но и выступил за поражение царизма в войне как меньшее зло (этот лозунг так и не был понят и признан народом). Как известно, в годы русско-японской войны Плеханов тоже был «пораженцем», но теперь, перед лицом масштабной германской агрессии, он уже не мог себе этого позволить, сделав то же, что и лидеры II Интернационала и заслужив от Ленина презрительную кличку «социал-шовинист». Конечно, это был типичный для Ленина перехлест, но ведь и Плеханов оказался в этот трагический для России момент слишком прямолинейным социалистом-патриотом, отказавшись впредь до победы над Германией и Австро-Венгрией не только от революции, но и от элементарной радикальной оппозиции царскому режиму.

Надо сказать, что сейчас плехановская тактика 1914–1918 гг. находит гораздо больше понимания, чем во время Первой мировой войны. Напомним, что в 1914 г. Плеханов не был понят не только большевиками, но и многими меньшевиками, ибо даже в конце 1915 – начале 1917 г., когда, убедившись в бездарности большинства царских генералов и многих министров, он стал призывать к «революции во имя победы», не делая при этом, однако, никаких реальных шагов в этом направлении.

Итог его спора с Лениным подвел судьбоносный для нашей страны и для всего мира 1917 год. Плеханов горячо приветствовал свержение царизма, вернулся на родину и тщетно, уже почти забытый русскими рабочими, пытался получить санкцию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на вступление в состав Временного правительства в качестве министра труда. Фактически Плеханов вернулся в Россию, чтобы умереть на родине, тогда как полный сил и энергии 47-летний Ленин появился в революционном Петрограде, чтобы активно включиться в борьбу за власть.

Плеханов резко осудил захват большевиками государственной власти в октябре 1917 г., заявив, что история еще не подготовила ни объективных, ни субъективных предпосылок для строительства в России социализма. Подлинным трагизмом веет от хроники последних «советских» месяцев его жизни: обыск 31 октября 1917 г. в плехановской квартире в Царском Селе, разгон Учредительного собрания, глубоко поразившее Плеханова убийство в больнице видных кадетов Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, выезд в Финляндию, заключение сепаратного Брестского мира с Германией. Последнюю точку в цепи этих событий поставила смерть Плеханова 30 мая 1918 г., а затем его похороны на Волковом кладбище в Петрограде, прошедшие без участия большевиков, продемонстрировавших этим свое осуждение Г.В. Плеханова как противника советской власти и непримиримого оппонента Ленина, который, кстати говоря, никак не откликнулся на смерть одного из своих учителей¹.

Вся жизнь Плеханова и Ленина была посвящена подготовке революции в России как главной задачи российского пролетариата и возглавлявшей его социал-демократической рабочей партии. Еще в начале 1880-х гг. Плеханов совершил подлинный идейно-теоретический прорыв, сменив прежнюю народническую методологию анализа общественных процессов и явлений на марксистскую. Как известно, он начинал свой путь в революцию с бакунистского анархо-социализма, предусматривавшего сжатый во времени скачок от только-только начинавшей освобождаться от феодально-крепостнических пут царской России к России общинно-социалистической, безгосударственной, вольной. Именно эта парадигма лежала в основе программы общества «Земля и воля», у истоков которого стоял вместе со своими товарищами и молодой Георгий Плеханов. Его энергия, революционное нетерпение, искреннее сочувствие людям труда и ненависть к самодержавному режиму как нельзя более гармонировали тогда с идеями Бакунина, в представлении которого мощный стихийный крестьянский бунт в сочетании с юношеским задором дворянских и разночинных нигилистов-интеллектуалов должны были сотворить некое социальное чудо. При этом мысль Бакунина уже вырывалась за пределы России, которой предстояло превратиться в свободную федерацию крестьянских общин и рабочих производственных ассоциаций, и мчалась дальше — к социалистическим Соединенным штатам Европы и всего мира. Ведь ис-

кры от российского революционного пожара должны были, по его убеждению, разлететься далеко за пределы нашей страны и зажечь как минимум всю Европу. Отдавал должное Бакунин — а вслед за ним и Плеханов — и социально-экономической теории К. Маркса, и огромному таланту этого выдающегося революционера всемирного масштаба, его глубокому интернационализму, и революционному темпераменту, но они считали тогда, что Россия развивается по своим особым законам, и пойдет по некапиталистическому пути.

Однако жизнь и практика социалистического движения в России и на Западе очень скоро зародили в душе Плеханова сомнения в правильности бакунистской теории, а также тактики индивидуального политического террора. Его разрыв с народовольцами в 1879 г., оказавшееся безрезультатным и даже способствовавшее торжеству реакции убийство Александра II, полная пассивность русского крестьянства и рост рабочего движения, вызвали у Плеханова глубокий мировоззренческий кризис. Его усугубило более пристальное знакомство в эмиграции с западным социалистическим движением и более глубокое постижение марксистской теории. Вдобавок вести с родины и труды первых русских земских статистиков убедительно говорили о том, что теория некапиталистического развития России терпит на глазах сокрушительное поражение. Все это вместе взятое привело к тому, что осенью 1883 г. в Швейцарии появилась русская эмигрантская марксистская группа во главе с Г.В. Плехановым.

Переход на позиции марксизма принципиально изменил взгляды Плеханова на будущую русскую революцию. Теперь он видел в ней не единовременный взрыв, сопровождающий рождение социалистического порядка, а процесс, требующий объективных и субъективных предпосылок и состоящий из двух этапов — буржуазно-демократического и собственно социалистического. При этом сначала Плеханов полагал, что временной разрыв между этими этапами будет невелик, но уже к концу XIX в. пересмотрел это положение в пользу признания необходимости более длительного периода развития России на буржуазно-демократической, правовой основе. Главной движущей силой этой двухзвенной революции должен был стать пролетариат, союзниками которого предстояло выступить на первом этапе всем демократическим слоям общества, а на втором — лишь наиболее близким к рабочим полупролетарским элементам, принимающим

его политическое руководство (гегемонию). В отличие от Ленина, Плеханов был настроен довольно оптимистически в отношении антиабсолютистских и конституционалистских позиций русских либералов, но оставался (за исключением 1905 г.) большим скептиком в отношении возможности прочного политического союза между пролетариатом и крестьянством. Ему принадлежит крылатая фраза: «Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы», хотя он и выделял при этом деревенскую бедноту, которая, по его мнению, обязательно пойдет за социал-демократией². Вопреки утверждениям анархистов Плеханов исходил из того, что в России еще длительное время будет сохраняться государство: сначала это будет демократическая республика, а затем диктатура пролетариата, которая уступит при коммунизме свое место органам самоуправления всех граждан страны.

Победу социализма и его высшей стадии — коммунизма Плеханов, как и все марксисты, мыслил только в общеевропейском, а потом и мировом масштабе, не занимаясь, однако, детальной проработкой этого вопроса. Будучи революционером-интернационалистом, он, тем не менее, считал, что в каждой отдельно взятой стране, в том числе и в России, возможность победы революции будет зависеть, в первую очередь и в основном, от зрелости собственных объективных и субъективных предпосылок для перехода к демократическому, а потом и к социалистическому строю. Он очень афористично говорил: Запад — Западом, а Россия — Россией; поэтому русские революционеры должны рассчитывать не на помощь извне, а на свои собственные силы, действуя по принципу, нашедшему отражение в известной русской пословице: «На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай»³. На этих позициях Плеханов стоял и в конце XIX, и в начале XX в., не считая нужным вносить в вышеприведенную схему каких-либо принципиальных изменений, продиктованных переходом капитализма в высшую, империалистическую стадию его развития. Характерно, что ни события 1905–1907 гг., ни глубочайший кризис периода Первой мировой войны не стали для него толчком к принципиальной корректировке его взглядов на революционный процесс в России.

В 1917 г. Плеханов, как и раньше, предлагал сначала обязательно довести вместе со странами Антанты до победы войну, а уже потом искать выход из того кризиса, которым была охвачена вся Россия. Однако та программа, с которой шли тогда к массам Пле-

ханов и его группа «Единство», не была понята и принята народом. Люди в то время уже устали от войны и лишений, не хотели больше ждать и требовали от политиков более смелых и радикальных социально-политических решений, легче прощая им утопизм и даже авантюризм, чем ту трезвую умеренность и призывы к давно уже исчерпанному запасу народного терпения, которые были характерны в 1917 г. для Плеханова. На этом фоне даже меньшевики выглядели тогда гораздо более решительными и реалистичными политиками, предложив на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. программу вывода России из хозяйственного кризиса, которая во многом перекликалась с тем, что предлагал тогда же Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Однако правительство Керенского не услышало этих призывов, и в итоге 25 октября 1917 г. было свергнуто большевиками, которых Плеханов считал вульгарными политическими авантюристами, буквально изнасиловавшими историю и ее объективные закономерности, а заодно и марксистскую теорию.

Что касается Ленина, то, приняв в принципе еще в 1890-х гг. плехановскую схему революционного процесса в России, он с самого начала внес в нее две важные поправки, касавшиеся возможных союзников пролетариата по борьбе с самодержавием. Союз с либералами был для него с самого начала беспочвенным мифом, тогда как союз с крестьянством и, прежде всего, с деревенской беднотой — вполне реальной целью, к достижению которой должна была стремиться Российская социал-демократия. 1905–1907 гг. стали для Ленина временем самой интенсивной и интеллектуальной работы, результатом которой явился вывод, согласно которому начавшаяся в стране революция является буржуазно-демократической революцией принципиально нового типа. Ее главной движущей силой мог стать только пролетариат, а его основным союзником — многомиллионное российское крестьянство. Их революционно-демократическая диктатура и должна была увенчать победу народа над самодержавием. Вдобавок Ленин считал возможным значительно сократить во времени традиционный для теоретиков II Интернационала, включая Плеханова, разрыв между демократическим и социалистическим этапами революции, вернувшись к идее Маркса о перманентной революции, которую в 1905 г. стали активно пропагандировать применительно к России А.Л. Парvus и Л.Д. Троцкий. Правда, в период отступления революции (1906–1907 гг.) лидер большевиков по вполне

понятным причинам на время как бы отодвинул в тень это важное положение, но сама концепция «непрерывной революции» с тех пор стала одной из важнейших составных частей ленинизма и получила известность как теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Как известно, первый штурм самодержавия закончился неудачей. Конечно, дело здесь было не в том, что лидер большевиков недооценил силы царизма и оппозиционность либеральной буржуазии, а с другой стороны — переоценил запас революционности народных масс, особенно крестьянства, а также степень влияния РСДРП на ситуацию в стране и перспективы европейской революции. Разумеется, неудача первого штурма самодержавия объяснялась не просчетами Ленина-теоретика, а для революционера-радикала, каким был лидер большевиков, они были, видимо, даже неизбежны. Тем не менее в основе своей ленинская стратегия большевистской партии 1905 г. сохранилась и в 1917 г., когда кризис в России оказался намного глубже и острее, чем в 1905 г. Больше того, прорыв мировой капиталистической цепи в России мог, по Ленину, послужить толчком к началу подлинно всемирной антивоенной и антиимпериалистической революции, которая могла бы поддержать и даже спасти революцию в нашей стране.

Жизнь показала, что схема мировой революции Ленина и Троцкого, которая вначале как будто работала безотказно (революции 1917–1918 гг. в России, Германии и Австро-Венгрии), оказалась очередной утопией, а столь понравившийся вождю большевиков девиз Наполеона: «Сначала нужно ввязаться в серьезный бой, а там видно будет» граничит с безответственностью и авантюризмом. Ленин недооценил и способность капитализма к серьезным внутренним трансформациям на базе сращивания капитала с государственными структурами, и силу национализма в противовес пролетарскому интернационализму, и тягу основной массы населения Западной Европы к реформизму в противовес революционным потрясениям. Что касается стран колониального Востока и Африки, то они еще только просыпались в то время от своего глубокого векового сна. Слишком слабыми оказались и те леворадикальные группы в партиях II Интернационала, которые объединились в 1919 г. в Коминтерн. И если даже на минуту представить себе, что 1920-е гг. стали бы временем создания Соединенных штатов Европы или даже всего мира, то и этот ультраоптимистический сценарий развития событий не смог бы

сотворить чудо и быстро победить российскую отсталость и бескультурие, степень которых в конечном счете все же явно недооценивал Ленин.

Переход к нэпу был вполне оправданной и разумной мерой, но не будем забывать, что нэп хозяйственный так и не был дополнен Лениным нэпом политическим, а через считанные годы после его смерти новую экономическую политику вообще свернули, быстро скатившись после этого к советскому тоталитаризму. Не состоялся долгожданный переход СССР на рельсы свободного демократического развития ни после исторической победы советского народа над фашизмом, ни в период хрущевской «оттепели», ни во время так называемой «перестройки».

Судьба Плеханова и Ленина, каждая по-своему, глубоко трагичны. Часто ставят вопрос так: «отец русского марксизма» не принял ленинскую, советскую Россию, но, может быть, он испытал бы чувство удовлетворения, увидев сегодняшнюю, постсоветскую Россию? Не могу ничего утверждать категорически, но не думаю, что это так. Ведь Плеханов до конца своих дней оставался социалистом и «народником» в лучшем смысле этого слова, ибо счастье народа и процветание родной страны были для него высшей ценностью. И все же невольно приходит на память последняя статья Георгия Валентиновича в газете «Наше единство» (январь 1918 г.) под несколько странным для нас названием «Буки-Аз-Ба», где есть такие слова «Не будем унывать. Начнем все сначала. А, Б, В...»⁴. Возможно, то же сказал бы сегодня и Ленин, хотя в его руках уже нет теперь такого мощного рычага переустройства российского общества, каким была в 1917 г. партия большевиков. Кроме того, большой вопрос, захочет ли этого наш народ?

¹ Подробнее см.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 324–365.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. III. М.–Л., 1928; С. 386; Т. IX. М.–Л., 1924. С. 290–291.

³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 333.

⁴ Диалог. 1991. № 15. С. 101.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>С.В. Тютюкин.</i> Россия стоит на Ивановых	5
<i>И.М.Пушкарева.</i> Видный ученый и организатор исторической науки	12
<i>В.А.Твардовская.</i> Леонид Михайлович Иванов: вблизи и издалека	33
<i>Т.К. Гуськова.</i> Таким он остался в моей памяти	44
<i>В.В.Шелохаев.</i> Мой научный руководитель	49
СТАТЬИ	
<i>Н.А. Иванова.</i> Леонид Михайлович Иванов и его детище	59
<i>Т.М. Китанина.</i> Источники формирования промышленных рабочих в первой половине XIX века (губернии Европейской России)	92
<i>С.И. Потолов.</i> Рабочие Петербурга в конце XIX века (статистико-экономический анализ).	106
<i>Т.К. Гуськова.</i> Состав и численность рабочих горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Нижнетагильского горнозаводского округа)	122
<i>В.П. Зиновьев.</i> Индустриальные рабочие Сибири в XVIII — начале XX в..	140
<i>А.В. Ушаков.</i> Интеллигенция и рабочие Москвы в конце XIX — начале XX в..	159

<i>В.П. Желтова.</i> Апрельские стачки протеста 1912 г.: к вопросу о численности бастующих	168
<i>В.П. Булдаков.</i> Вторжение марксизма в Россию: акт первый	182
<i>С.В. Тютюкин, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин</i> и русская революция	201
<i>И.С. Розенталь.</i> О российской многопартийности и «ликвидаторстве»	212
<i>А.П. Корелин.</i> Последний съезд Объединенного дворянства	221
<i>В.Я. Гросул.</i> Российские дипломатические представители на Балканах в первой половине XIX в.	244
СПИСОК ТРУДОВ Л.М. ИВАНОВА	262